

ПСИХОЛОГИЯ НЕОБЫЧНОГО

ЗАМЕТКИ О ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА ГРИНА

Человек значит неизмеримо больше, чем принято думать о нем, и больше того, что он сам думает о себе.

М. ГОРЬКИН

ДНАЖДЫ, составляя список произведений для издательства, А. С. Грин сгруппировал ряд рассказов под рубрикой «Настроения сильных натур, поставленных в исключительные обстоятельства устремления к цели». Звучит, как тема научного исследования на материале эксперимента. И Грин действительно экспериментировал, рисуя в рассказах картину душевной встряски и экстраординарные ситуации.

Движение к цели выявляет, мобилизует всю глубину духовных и физических ресурсов человека. В «полезном нервном потрясении» проявляется главное и отступает второстепенное. Современная медицина назвала это явление стресс-реакцией. Человек внезапно отключается от привычных самоограничений и творит чудеса.

«Я давно догадывался, — пишет космонавт Георгий Береговой, — что человек по своей натуре немного лентяй. Подсознательно он всякий раз стремится делать не то, что нужно, а то, что хочется».

В свое время сорокалетний летчик-испытатель решил догнать тех, кто был моложе его более чем на десять лет, и сумел подготовиться к полетам в космос. Подчинив себя необычной цели, человек перешагнул привычные представления о самом себе и в собственных глазах, и в оценках авторитетов космической медицины.

«Обычные условия, — продолжает свой рассказ Береговой, — позволяют проявляться лишь обычным, заурядным качествам человека. Напротив, особый режим помогает вскрыть и мобилизовать его резервные силы, скрытые свойства и качества». И в заключение — драгоценная мысль, под которой Грин, конечно же, подписался бы с восторгом: «Если бы люди научились вскрывать в нужный момент все свои запасы энергии, бросать все свое «горючее» на решение конкретно поставленной цели или задачи, тогда многое из того, что мы склонны, особенно не задумываясь, относить сегодня в ряд «необычного», перестало бы кого бы то ни было удивлять».

Эта переключка — сквозь десятилетия — одинокого писателя-романтика и прославленного космонавта поразительна и красноречива.

Грин много раз испытывал своего героя в «исключительных обстоятельствах устремления к цели». Его сюжеты и характеристики не просто исчерпывают потенции персонажей «до дна». Чудесно и убедительно говорит он о неисчерпаемости, о безграничной энергии человеческого духа и тела. Не удивительно внимание психофизиологов к творчеству Грина, к его угадыванию задатков и проявлений человеческой природы в процессе сложных отношений с миром.

Герой Грина способен пройти по воде, как посуху, подобно персонажу рассказа «Огонь и вода»; встать на парализованные ноги, как это сделал юноша в ответ на жгучий зов моря в рассказе «Голос сирены»; победить роковую болезнь, как это происходит в «Борьбе со смертью».

«Неотъемлемое, присущее человеку» Грин находит в тяге к необычному, к новизне. Один из его персонажей говорит от имени всех: «Я очень прост, во мне странное только то, что я надеюсь на невозможное». Невозможное сегодня, завтра сбывается, и потому не удивляет романтика Грина. На наших глазах меняются стереотипные представления о духовных и физических возможностях человека.

Жажда необычного у людей — не каприз, а потребность. Такова натура, материал ваятеля Грина. Но при перегрузке воображения поэзией важно сохранить убедительность. «Всякий выход за пределы внутренней логики, — замечает Грин, — даст впечатление карамельности или утопичности, или просто скажут: «ишь, врет, как сивый мерин...».

Будить умение удивляться — это и есть задача художника. Романтик мобилизует себе на подмогу неожиданность чуда. Каковы чудеса у Грина? Чудо открытия мира и себя в мире, чудо очищения и прозрения души, чудо переустройства себя и своего окружения — торжествующая правда.

«Сделаю жизнь!» — говорит в рассказе «Слабость Даниэля Хортон» «истинный пионер», обживающий дикий угол земли; другой одушевляет теплом человеческого гнезда «сердце пустыни» в одноименном рассказе. А однажды герой Грина сконденсирует все это в общей формуле: «так называемые чудеса», иначе говоря — дела, доступные человеку. К ним относится и «во время сказанное, нужное слово». Так понимал Грин и творчество — нужное слово, невыдуманное чудо поэзии.

Творить — значит «вводить свое в массу чужой души», но это «свое» художник собирает на нивах нашей души, как говорит герой романа Грина «Блистающий мир».

На просторах Гринландии стремительно перемещаются красочные фигуры. Направление их движения опре-

деляется динамикой внутреннего роста. Неуклонно двигаясь по восходящей, герой прозы Грина неминуемо проходит через катастрофу. Его поджидают циклоны, кораблекрушения, ураганы, землетрясения, эпидемии и пожары. Близость или возможность катастрофы обнажает все сокровенное, и на срезе встревоженного сердца виден неподдельный человек.

Гипнотизм необычности, атмосфера контраста — дно и вершина, ниспровержение и возвышение, низменное и прекрасное, день и ночь жизни, оцепенение мысли и взлет чувства — резкие, как удар, как скачок судьбы, как сигнал бедствия или счастья... Такая сюжетная нагрузка под силу только безумцу. А безумец, кто он? Тот, кто, смело идя навстречу новому, до конца исчерпывает «каждое неясное положение». Вот кто «безумец», по Грину, — настойчивый, храбрый, целеустремленный человек.

На своем пути романтика Грин вдохновлялся пафосом горьковских сказок и аллегорий, прославлявших «безумство храбрых». Он дал герою широкую, открытую всем ветрам арену не затем, чтобы очиститься от земной скверны, а чтобы утвердить правду о человеке, желающем и умеющем побеждать обстоятельства.

Реалист кропотливо и всесторонне исследует жизнь и воссоздает разнообразие типических характеров в окружении действительных фактов и событий. Рисуя свой идеал, реалист находит образы вокруг себя и рассматривает сущее в развитии.

Романтик формирует среду и характер с поправкой на бытие. Тяга к удивительному живет в людях, и они откликаются на такую условность. Но условность требует мотивировок, оправданий, аналогий, почерпнутых в живой жизни. Сложные превращения действительности в поэтику романтизма при недостатке таланта таят в себе угрозу мнимых эффектов. От высокопарности, от ложного пафоса читатель устаёт не меньше, чем от бескрылого натурализма. Задача Грина — дать «точный рельеф сложного мира души».

Русская литература с ее углубленным психологизмом и просветительской ролью плохо вязалась с прежней схемой приключенческого сюжета.

Грин насытил эту схему психологизмом, дал сюжету «учительный» смысл, этическую роль. Пафос и сердцевина его творчества — в неумолимости исканий, высокой человечности, максимализме героя.

Картинные персонажи с громкоподобными голосами, пираты моря и суши, баталии и дуэли, то, что «в чистом виде» говорит об авантюрах и приключениях, — все это питало психологическую нацеленность сюжетов Грина лишь отчасти и на свой лад. Подобному антуражу он отдал дань в таких рассказах 1909—1910 годов, как «Штурман «Четырех ветров» или «Пролив бурь», но и там уже заметен почерк пылкого художника.

Эпиграф из Сервантеса к первому рассказу — «Во всей той окрестности не было ни одного человека, который мог бы его услышать», — говорит здесь не о безлюдье, а о нравственной глухоте обывательского мира. Штурман семи футов роста, с луженой глоткой и пудовыми кулаками бушует в ночи, однако его негодование распространяется много дальше запертой перед ним двери припортового кабатка. Речь о главном — о несоответствии мятежного характера сонливой атмосфере жизни.

Отзываясь на заботы своего (еще дореволюционного) современника, Грин писал и для будущего. Пришло время, и программность его романтики волилась в русло сегодняшней прозы. Основы этой близости закладывались уже в ранних рассказах, в которых Грин искал ответа на вопрос вопросов — как жить? Экзотическая яркость образов опиралась на размышление о близкой жизни, и романтическое преувеличение произрастало из реального корня.

Можно талантливо рассказать о том, что видел и пережил сам. Можно талантливо изобразить невиданное.

Куприн сам ходил в море с сетью с рыбаками из Баллавы, и литература обогатилась реалистически яркой, живописной страницей — «Листригонами». Куприн уверял: ему нужно было геройское усилие, чтобы сесть за письменный стол в угнетающей мгле Петербурга.

Грин научился вытеснять «мглу» воображением и обогатил своей «блестящий мир», не выходя из гранитных стен Петербурга. Факт присутствия в той или иной географической точке был ему необязателен. Вскользь, когда-то и как-то замеченные оттенки и неугомонная пульсация домысла создавали искомые краски, нужный пейзаж и нужное настроение.

И до Грина писали о море. У Джека Лондона оно до краев налитое соленым потом тружеников, у Жюль Верна — лаборатория ученого, у Стивенсона — океан приключений с нравоучительно-счастливым концом, у Конрада — гигантское дно захороненных надежд или биржа дельцов, сколачивающих состояние из пены морской.

Грин взял символ и необязательность моря выразил необязательность духа, соединив исключительно, фантастическое с распространенным. Фантастика приключений опирается у него на бытовую повседневность и, сверх того, на другую, очень важную реальность — на реальность духовной жизни и тончайшую психологическую инструментацию внутреннего мира героев.

Романтики, чей опыт не остался вне поля зрения Грина, — Эдгар По, Гофман — соорудили сюжет и мир героя на двух параллельных площадках. Подсознательное, фантастическое и обычное, бытовое соединялись и отталкивались, а герой между тем водворялся в душевные стены собственного жилья.

Грин устроил мир своих книг как будто похоже, а в сущности — иначе. Казалось, что писатель играет, беспечно пуская кораблики по большой реке жизни, а вышло, что это атакующий флот.

Заповедь Грина самому себе: «Так как я пишу вещи необычные, то тем строже должен обдумывать внутренний ход всего».

Делать необычное в обычных условиях и добиваться таких условий, когда необычайное кажется обычным, — таков фундамент фантастических устремлений гриновского героя.

Основанная на грани того, что есть и чему должно быть, Гринландия родилась до крайности противоречивой: Герои-антиподы сражаются у автора в гиперболических поединках, преодолевая неимоверные препятствия на пути к противоположным целям.

В поисках гармонии романтик настойчиво подчеркивает несоответствие между тем, что есть и что могло бы быть. Из противостояния должного сущему вытекает стиль контрастных сопоставлений.

Грин сам помогает понять себя — стоит только вдуматься. Персонаж дореволюционного рассказа «Далекий путь» — в прошлом ординарный чиновник, потом неумолимый проводник в горах — так объясняет перемены в своей биографии: «Чтобы определить вполне и точно, что именно для меня прекрасно и ценно, что безобразно и совершенно не нужно, — я взял противоположности, вернее, контрасты... Мне следовало узнать, чего я хочу. Я взял окружающее и... противопоставил каждой стороне его мыслимый, возможный в действительности же, контраст... Моя жизнь протекала в сфере однообразия — ее следовало сделать разнообразной и пестрой».

Прием контрастного сопоставления позволяет резко обнажить и сильнее заострить характерные свойства персонажей и обстановки. Контраст дает простор гиперболе, делает еще более наглядным различие между хорошим и дурным. Контрастное сближение обыденного и чудесного создает атмосферу вечной погони за разгадкой тайн, настойчивого стремления к цели.

В портрете Гринландии и гринландцев неожиданно и выразительно сплетаются духовные и материальные контрасты — нищета и «золотая россыпь», ажиотаж торговли и колдовское «кружево громких легенд», вытканное из корабельных снастей, морской пены, игры и торговли... Страна, в которой появляется герой рассказа «Сердце пустыни», по выражению автора, «страшна и прекрасна», и феи, как свидетельствует «словоохотливый домовый» в одноименном рассказе, выют свои поразительные ковры из разного — «из пыли и лунных лучей».

Пейзажные описания, портретные и психологические характеристики то бушуют экспрессивными мазками, то напоминают о нежных цветах акварелей, и прямолинейная сентенция в неопозитивном гриновском стиле уживается с причудливой метафорой.

В рассказе «Вперед и назад» наизидание и переживание ходят рядом. «Одним мужем и одной женой стало больше на свете, богатым разными парами, но весьма бедном любовью и уважением», — говорит писатель о людях, достойных друг друга. А третий персонаж, ушедший от яркой цели в нищенски-прибыльную суету дня: «он судорожно огляделся, и показалось ему, что в зурбаганской пестрой толпе легли тени пустыни и грозное дыхание диких мест промчалось над разогретым асфальтом, тронув глаза Хина свежестыю неумолкающих водопадов».

Отбирая детали для той или иной картины, писатель непременно добивается ее своеобразия. Он считает, что только так можно создать впечатление, а значит, и доверие к своей манере.

«Свежесть тронула щеки, дохнула в лицо», — так пишет, желая навеять физическое ощущение прохлады. В гриновской конденсированной метафоре невесомая психологическая свежесть водопадов легла на поскулившее зрение Хина, смачнув на мгновение серую городскую пелену видением невозрачного.

В стиле Грина непрерывно взаимодействуют эмоция и рассудок, трудноуловимое впечатление и глубоко обдуманное доказательство. Этой особенности подчиняются сюжет, образ, фраза. Сочетание несходств усиливает биение слов, рождает напряженный ритм, напор, волнение, без чего романтика не могла бы дышать.

В романтической новелле можно говорить о пропащем солнце. «Пропащее солнце»... Внимание, не подготовленное к неожиданному образу, сразу же напрягается. Очевидная несовместимость слов, поставленных рядом, настораживает. Исчезновение вечного светила? Какое волнение, какая катастрофа ожидают нас за дверью рассказа?

Вот канва сюжета: для забавы скучающего богача купили младенца у нищих, спрятали от внешнего мира, растили взаперти, при электрическом свете, а в день четырнадцатилетия, когда пробудилось для жизни и окрепло сознание мальчика, решили его потрясти, ослепить, а может быть, и умертвить зрелищем небесного пожара...

Зацветавшее деревце, ребенок в руках палачей — жестокий контраст. Но романтик стремится уяснить масштабы зла, а не просто напомнить о его существовании, и жестокость надругательства над добром усугубляется гиперболическим образом вселенской тьмы.

Не существует художника, который покинул бы родник, питающий живительными соками своеобразие его творчества. Главное и неотразимое в стиле Грина — вымысел на почве реальности при гипнотической силе преувеличения. Знак равенства между сюжетной ситуацией его феерий и жизненной коллизией, от которой он отталкивался, задумывая сюжет, поставить невозможно.

Сложный социальный и общественный конфликт затронут и по-своему решен в архисловесном сюжете рассказа «Вокруг света». Согласно изнуренного до крайности человека по имени Жиль немедленно начать новое пари и новое кругосветное путешествие, так как богач Фрион разорился и не может оплатить проигрыш, кажется невероятным. И так же сомнительна капитуляция другого богача, Аспера, фактически выплатившего огромную сумму за одно это согласие Жили. И все-таки фантазия опирается на характерность имущественного неравенства и на решительное нравственное пре-